

Внутриполитическое измерение внешней политики Армении КАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ И АРМЯНО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Аналитическая записка № 209
ПОНАРС Евразия
Май 2012 года

Сергей Минасян
Институт Кавказа (Ереван)

Широко распространено мнение, что внешняя политика является продолжением внутренней. Однако обратное утверждение также справедливо – внутренняя политика вытекает из внешнеполитической деятельности. Данная работа анализирует взаимосвязь внешней и внутренней политики на примере двух важнейших политических проблем постсоветской Армении.

Первой проблемой является карабахский конфликт. Уже два десятилетия это конфликт влияет на внутреннее развитие постсоветской Армении, в то же время внутриполитический контекст существенно сказывается на подходах Еревана в урегулировании конфликта. Это вызывает два вопроса. Каковы масштабы влияния конфликта на армянскую политику, политический дискурс и процесс формирования элит? Насколько внутренняя политика Армении и общественные настроения сказываются на позициях страны в региональной политике и в процессе переговоров по конфликту?

Вторая проблема касается армяно-турецких отношений, в особенности, попытки Армении и Турции нормализовать свои взаимоотношения посредством двухлетнего проекта примирения. Эти усилия были предприняты летом 2008 г. по инициативе армянского президента (и при поддержке США и ЕС), приведя к подписанию в октябре 2009 г. двух армяно-турецких протоколов. Однако протоколы так и не были ратифицированы, в основном в результате выдвижения Анкарой дополнительных предусловий, заставивших Ереван приостановить процесс в апреле 2010 г. Представляется важным понять реакцию армянской

общественности на усилия правительства по нормализации отношений с Турцией, а также то, как общественные настроения сказались на дипломатических позициях Армении.

Карабахский фактор во внутренней политике Армении

Значительную часть современной политической элиты Армении составляют бывшие активисты карабахского движения, бывшие комбатанты или же просто выходцы из Нагорного Карабаха и бывших армянонаселенных регионов Советского Азербайджана. Гипертрофированное влияние карабахской проблемы на политику и развитие Армении наиболее наглядно иллюстрирует карьера всех трех президентов независимой Армении: Левона Тер-Петросяна, Роберта Кочаряна и Сержа Саргсяна. Все три президента играли важнейшую роль в карабахском движении.

Влияние деятелей карабахского движения и бывших комбатантов в политической и экономической жизни Армении достигло пика в последние годы президентства Левона Тер-Петросяна. Оно стало снижаться лишь после прихода к власти Роберта Кочаряна, хотя сам он родом из Нагорного Карабаха. Хотя это кажется нелогичным, но это не так. Будучи выходцем из Карабаха, Кочарян не получал достаточной поддержки в Ереване и нуждался в инкорпорации влиятельных местных акторов в бюрократическую и экономическую элиту в столице и в регионах. С этого периода политическая система Армении существенно демилитаризировалась: на большинстве постов бывшие комбатанты были заменены новым поколением бюрократов¹.

Таким образом, «карабахский фактор» стал терять приоритетность в политической картине Армении. Армянское общество и элиты стали обращать существенное меньше внимания борьбе за Нагорный Карабах, поскольку в общественном восприятии Нагорный Карабах и так уже «принадлежит» Армении. В частности, власти не могут мобилизовать протестный электорат во имя защиты того, что страна уже имеет, т.к. армянская общественность эти призывы воспринимает как неактуальные².

В то же время, хотя карабахский конфликт теряет свою актуальность во внутривнутриполитической жизни Армении, тем не менее, никакая иная политическая проблема столь не инструментализирована всеми политическими акторами Армении, как оппозиционными, так и провластными. В зависимости от политических обстоятельств, власти могут придерживаться жесткой линии в конфликтном урегулировании, подвергаясь критике со стороны оппозиции, или же наоборот, попытки властей продемонстрировать гибкость будут оцениваться как «предательство». Можно даже сказать, что в армянском обществе существует

---

¹ См. подробнее: Александр Искандарян, «Армения между автократией и полиархией», *Pro et Contra*, Т.15, №2-3, Май – Август, 2011.

² Подробнее по теме см.: Sergey Minasyan, "Armenia in Karabakh, Karabakh in Armenia: Living with a Conflict," *Identities, Ideologies & Institutions. A Decade of Insight into the Caucasus, 2001 – 2011* (Caucasus Institute, Yerevan), 2011, 144-145.

почти полный консенсус относительно общего видения перспектив для Нагорного Карабаха. Очень мало чего зависит от персональных взглядов политических лидеров. Более того, как четко показали еще события 1990-х гг., Ереван не может принимать полностью самостоятельные решения в конфликтном урегулировании. Нагорный Карабах остается важнейшим политическим актором со своими собственными подходами, неоднократно отвергая предложенные посредниками предложения, принятые ранее Арменией.

Соответственно, маловероятно, что армянская политика относительно Нагорного Карабаха, равно как и касающаяся других основных стратегических приоритетов, может измениться в результате изменения внутривнутриполитического баланса. Было бы преувеличение утверждать о каком либо расколе в армянской политической элите по этому вопросу. В случае с Нагорным Карабахом в ней нет деления ни на «голубей» ни на «ястребов».

В последние несколько лет заметно лишь упрочнение статус-кво в конфликте, особенно по результатам российско-грузинской войны 2008 г. и безуспешных саммитов президентов Армении и Азербайджана, прошедших в России в июне 2011 г. и в январе 2012 г. Последние раунды переговоров свелись лишь к усилиям по снижению напряженности на линии соприкосновения сторон, без попыток реального продвижения, основанного на взаимных компромиссах и уступках. Это также снизило остроту карабахского конфликта и его влияние на внутривнутриполитический дискурс в Армении.

Парламентские выборы в Армении в мае 2012 г. стали очередным наглядным примером того, как «карабахский фактор» потерял свое место во внутривнутриполитическом дискурсе. Мониторинг политических платформ и предвыборных заявлений показал, что подавляющее большинство различий между ними касались социально-экономической ситуации, прав человека, демократизации и оценки эффективности государственного строительства. В то время как в вопросах внешней политики и безопасности, особенно касающихся карабахского конфликта, наблюдались лишь несущественные тактические разногласия³.

Вполне возможно, что снижение значимости и чувствительности «карабахского фактора» во внутренней политике стало одной из причин решения Роберта Кочаряна, ставшего президентом благодаря своей роли в карабахском движении, воздержаться от открытого возвращения в политическую борьбу. Хотя, как утверждает, он стоит за показавшей второй результат на выборах партией «Прорывающаяся Армения», Кочарян так и не вовлекся активно ни в избирательную кампанию, ни в последующие (неудачные) переговоры о вступлении «Прорывающейся Армении» в правящую коалицию. Консолидация политических сил вокруг карабахского конфликта уже не может перевесить другие, более актуальные проблемы в политической повестке дня в Армении.

---

³ «Предвыборные обещания партий: Выборы в Национальное Собрание Армении 6 мая 2012 года», *Caucasus Institute Policy Brief*, Ереван, Май, 2012.

Внутриполитические отражения армяно-турецкого процесса

Вопрос армяно-турецких взаимоотношений традиционно вызывает резкую реакцию в армянском обществе и в диаспоре. Подписание армяно-турецких протоколов в октябре 2009 г. вызвало новую волну критики в СМИ и в общественном мнении⁴. Однако основные причины столь негативной общественной реакции во многом не были напрямую связаны с содержанием армяно-турецких соглашений.

Существенным, но недооцененным фактором, влияющим на восприятие армяно-турецких отношений армянским обществом, явился своего рода политический инфантилизм, распространенный внутри армянского общества. Он олицетворял собою отсутствие веры в возможности собственной страны и страх «взрослых игр» в региональной политике. В крайней форме, такое поведение приобретало формы «международного заговора» против Армении, где армяно-турецкая нормализация являлась лишь его частью. Одной из важнейших причин данного инфантилизма являлось то, что отношения с Турцией традиционно воспринимаются армянским обществом очень эмоционально, а не как проблема, которая могла быть реалистично и критично оценена в терминах политической целесообразности. Хотя СМИ достаточно активно освещали процесс, было очень мало прямых дебатов по существу. Как отмечал аналитик Грант Микаелян, «авторы, придерживающиеся каких-то точек зрения, в своих публикациях или интервью заочно отвечали своим идеологическим противникам, часто воображаемым»⁵.

Хотя такого рода общественные опасения выглядят иррациональными, но очевидно, что груз исторических аналогий продолжает оказывать влияние на восприятие Арменией ее отношений с Турцией. Это естественно для страны, перенесшей тяжелую травму в результате геноцида 1915 г. Наличие диаспоры лишь усиливает подобные настроения, т.к. большинство армянских общин вне бывшего Советского Союза состоят из прямых потомков людей, выживших во время геноцида. Память о геноциде является ключевой для их идентичности, делая их чрезвычайно недоверчивыми к Турции. Усиливающееся общественное давление и критика со стороны оппозиции заставило армянское правительство ужесточить свою позицию в вопросах геноцида и нагорно-карабахского конфликта, с более активным вовлечением в иницилируемые диаспорой акции по признанию геноцида и выдвиганием более четких предусловий по определению статуса Нагорного Карабаха в процессе урегулирования конфликта.

Политический инфантилизм, проявившийся внутри армянского общества в процессе нормализации в 2009-2010 гг., вряд ли явился уникальным и

---

⁴ Подробнее об этом см.: Александр Искандарян, Сергей Минасян, «Прагматичность политики сквозь реалии исторических ограничений: анализируя армяно-турецкий процесс Pragmatic Policies», *Аналитические доклады Института Кавказа*, №1 (Ереван), январь 2010.

⁵ Микаелян Грант, «Армения и армяне, Турция и турки в армянских СМИ», *Исследовательские записки Института Кавказа*, №2, Ереван, апрель 2010, 6.

нетипичным примером в новейшей истории Армении. Для страны, не имевшего собственной государственности в течение столетий, подобного рода фобии не столь и редки. Они также проявляются в общественных восприятиях и оценках отношений Армении с Россией, США, Ираном, и даже с Грузией.

Однако за весь постсоветский период этот феномен нигде так отчетливо не проявился, как во время активной фазы армяно-турецкой попытки примирения. Объяснение лежит в излишне эмоциональном восприятии Турции и турок в армянском общественном и политическом поле.

Заключение

Зачастую невозможно точно определить, где завершается внешняя политика и начинается внутренняя. Однако, однозначно, что в случае с Арменией мы сталкиваемся с феноменом «сообщающихся сосудов», как минимум, на примере внутреннего измерения карабахского конфликта и армяно-турецких отношений. Эти две политические сферы тесно взаимосвязаны, и часто просто невозможно провести разделяющую линию между ними.

Карабахский конфликт демонстрирует ряд интересных особенностей внутриполитического измерения. Как наиболее важная внешнеполитическая проблема Армении, карабахский конфликт является эффективным инструментом внутриполитических спекуляций. Оппозиция обвиняет правящую коалицию во всевозможных «грехах», варьирующихся от готовности сдать Карабах до отсутствия гибкости в переговорном процессе. В то же время, нет особой разницы в подходах различных политических игроков относительно общих контуров политики относительно Карабаха, даже если это публично не демонстрируется ни правящей коалицией, ни оппозицией. Причина данного внутреннего консенсуса возможно связана с генезисом современных политических элит Армении, в основном возникших во время войны в Нагорном Карабахе. Армянские элиты не могут ни «убежать» от своего прошлого, ни игнорировать этот фактор в переговорах с Азербайджаном. Внешнее давление (как со стороны Азербайджана, так и вовлеченных внешних акторов) не способно преодолеть внутреннее сопротивление попыткам изменения статус-кво. Внутриполитическое измерение карабахской проблемы не только ограничивает политику Армении в карабахском конфликте, но и одновременно усиливает ее, т.к. она основывается на консенсусе всех политических сил страны.

Что касается армяно-турецкого процесса примирения, то наиболее примечательно то, как процесс примирения повлиял на внутриполитический дискурс в Армении. Он высветил многие аспекты политической жизни, общественных настроений и фобий, которые не были напрямую связаны с отношениями Армении и Турции, такие как политический инфантилизм и теории конспирологии. Это явилось достаточно неожиданным аспектом взаимоотношений между внутренней и внешней политикой.

Elliott School of
International Affairs

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в Институте исследований Европы, России и Евразии (IERES) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. Публикация осуществлена при поддержке грантов Корпорации Карнеги в Нью-Йорке и Фонда Джона Д. и Кэтрин Макартуров. www.ponarseurasia.org